

НЕПРЯМАЯ КОММУНИКАЦИЯ В РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. В. НАБΟКОВА

Михальчук Наталья Александровна

старший преподаватель кафедры общего и славянского языкознания
учреждения образования “Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова”
(г. Могилев, Беларусь)

Изменение взгляда на текст и выдвижение новых аспектов его изучения в русле современного лингвистического знания, смещение акцентов в текстологии привело к приоритету коммуникативно-деятельностного подхода, так как он глубоко раскрывает онтологические свойства языка и текста. В русле этой концепции художественный текст является продуктом одного из самых сложных видов коммуникации – художественно-литературной, субъектами которой, с одной стороны, становятся автор и читатель, с другой – персонажи. Текст художественного произведения содержит два коммуникативно-прагматических плана: коммуникация между автором и читателем (КП1) и коммуникация действующих лиц (КП2), причем план воздействия персонажей друг на друга является частью первого коммуникативного плана и служит для осуществления авторского воздействия на читателя.

Непрямая коммуникация в художественном тексте является одним из средств характеристики речевого поведения персонажей, ориентация на которое позволяет подойти к полному и глубокому анализу литературного героя как языковой личности.

Для создания художественного образа Набоков широко использует не только единицы языка, тропы, стилистические фигуры и приемы, но и средства речевой коммуникации. Они создают невидимый коммуникативный план текста, и для понимания и интерпретации художественных произведений необходимо умение реализовывать коммуникативные смыслы, заключенные в них, а также успешно оперировать ими.

Одним из ключевых открытий В.В. Набокова является социально-психологический тип «одиночки», творческой личности – «человека другого измерения, особой формы и окраски, не совместимого ни с кем и ни с чем» [1, с. 98].

Критик Олег Михайлов пишет об этом излюбленном типе Набокова: «В содержании «Защиты Лукина» легко открывается ее близость едва ли не всем набоковским романам. Она в безысходном, трагическом столкновении героя-одиночки, наделенного одновременно душевной «странностью» и неким возвышенным даром с «толпой», «обывателями», грубым и тоскливо-примитивным «среднечеловеческим» миром. В столкновении, от которого защиты нет» [2, с. 12].

В художественном формировании данного социально-психологического типа большая роль отводится способам и средствам выражения не прямой коммуникации.

С точки зрения использования единиц не прямой коммуникации речь главных (условно «положительных») персонажей произведений В.В. Набокова богаче и интереснее, чем второстепенных. Это Ганин в «Машеньке», Лужин и Лужина в «Защите Лужина», Мартын и его мать Софья Дмитриевна в «Подвиге», Годунов-Чердынцев в «Даре». Коммуникативная компетенция их шире, чем у остальных героев. Чтобы сгладить зарождающуюся конфликтную ситуацию, они легко переходят от «прямого» общения к «непрямому». Конфликтные речевые акты, такие, как отказ и несогласие, смягчаются ими в соответствии с законами этикета.

Для положительных персонажей Набокова характерна излишняя этикетизация речевого общения, которая в некоторых случаях может быть показателем особой душевной чуткости, тонкости героя (образ матери Мартына Софьи Дмитриевны, выписанный автором с любовью), а в других – маркером отчужденности персонажа от окружающего мира (диалоги Лужина с супругой). Преувеличенная вежливость проявляется в привнесении в семейный позитивный этикет черт «негативной» вежливости, использовании не прямой коммуникации там, где оправданно использование прямой. Иллюстрациями этого утверждения становятся отказы в семейном этикете, сформулированные по правилам дистанционного, официального; выбор только косвенных побуждений в выражении собственной потребности в семейном этикете и т.д. Герои Набокова (Мартын, Лужин) часто переносят черты «негативного» этикета в разновидности позитивного – семейного, родительского:

«Зима была в тот год белая, петербургская. Лужину сшили ватное пальто. Нищим русским были выданы некоторые старые лужинские вещи, – между прочим, зеленое шерстяное кашне швейцарского происхождения. В прихожей висел обреченный пиджак.

«Он такой комфортабельный, – взмолился Лужин, – такой чрезвычайно комфортабельный».

«Оставьте, – сказала жена из спальни. – Я его еще не осмотрела. Он, вероятно, кишит молью».

«Чудно», – крикнул он тонким голосом.

Жена, с носком в руке, выглянула в прихожую».

Лужин снял смокинг, ... и с любовью влез в рукава обреченного. Милейший пиджак, никаких молей нет и в помине.

Косвенная реализация просьбы в данном случае помогает Лужину отстоять свою точку зрения и при этом не допустить речевой агрессии. Стратегия побуждения к действию осуществляется посредством речевой тактики

демонстрации достоинств предмета, осуществляемой вербальными и невербальными средствами

Просьбы чаще всего сформулированы у героев Набокова в косвенной форме и в соответствии с законами вежливого общения. Языковым средством выражения не прямой коммуникации на морфологическом уровне при реализации интенции просьбы является переносное употребление сослагательного наклонения в значении изъявительного в предикации с глаголом *хотеть*, а также в значении императива: «*Остался бы дома, – сказала она, когда Мартын с ней поравнялся, – ну, что тебе ехать...*»; формы с глаголом первого лица множественного числа как конвенциональные средства непрямого воздействия: «*Уйдем, уйдем, – забормотал он, не отпуская ее локтя*». На синтаксическом уровне выделяется использования побудительно-вопросительных предложений: «*Не пора ли вам ложиться, дорогой Алексей Иванович?*», «*Почему вы сопротивляетесь? – лепетал я. – Что вам стоит?*», др.

В научной литературе высказывается мнение о том, что речевой стратегией использования косвенных реализаций интенций является повышение уровня общения. Частое использование в речи импликатур, «выводимых смыслов» (В.В. Богданов) повышает статус говорящего в глазах адресата и статус адресата в собственных глазах: говорящий выглядит компетентным, разбирающимся в тонкостях речевого общения, и адресат понимает, что говорящий доверяет его умению расшифровывать данные коммуникативные смыслы. Общение на уровне импликатур – более престижный вид коммуникации, поэтому он часто используется среди образованных людей.

Как пишет В. Ерофеев, образы героев набоковского метаромана наделены автобиографическими чертами. Писатель родился в родовитой дворянской семье, получил великолепное образование, знал несколько иностранных языков. Неудивительно, что главные, любимые его персонажи – языковые личности, для которых характерен высокий уровень общения. В романе «Защита Лужина» в реплике отца невесты подчеркивается дворянское происхождение Лужина: «Хотя он из старой дворянской семьи, но его узкая профессия наложила на него некоторый отпечаток». В «Подвиге» Мартын – «путешествующий барчук», студент Кембриджа. В «Даре» образ Годунова-Чердынцева, уже в прямом смысле слова творца – поэта, писателя, по мнению исследователей, максимально приближен к автору, а в творческом смысле фактически отождествлен с ним: Набоков «дарит» персонажу и свои стихи, и памфлет о Чернышевском.

В то же время для этих героев (Ганин, Лужин, Мартын) характерна высокая степень отстраненности речевого поведения. Они, стараясь следовать правилам этикета, вступают в коммуникацию как будто по принуждению, вопреки желанию.

Прямую авторскую характеристику данного типа речевого поведения находим в романе «Защита Лужина»: *«Существовал он, впрочем, тяжело. Особенно ее сердило, что он постоянно ухитрялся сидеть к ней спиной. «Он спиной и говорит, спиной, – жаловалась она дочери. – Ведь у него не человеческий разговор. Уверяю тебя, тут есть что-то прямо ненормальное». Ни разу Лужин не обратился к ней с вопросом, ни разу не попытался поддержать разваливающуюся беседу».*

Речевая отстраненность набоковского героя создается использованием единиц непрямой коммуникации, ряда коммуникативных приемов и средств. Прежде всего, это избрание персонажами по отношению ко всем собеседникам «негативного» (официального) этикета.

Назовем ряд коммуникативных тактик и приемов, с помощью которых создается речевая характеристика набоковского героя и формируется дистанционное общение между ним и собеседником:

1) использование невербального содержательного эквивалента согласия (в речи Мартына, Лужина, Ганина);

2) употребление невербально или вербально выраженного согласия в качестве «пустого стереотипа», утрачивающего свое значение (в речи Мартына, Лужина, Ганина);

3) подхват адресатом реплики адресанта – конструкции, включающие повтор элементов предыдущей реплики (в речи Лужина);

4) замена речевого акта согласия сжатой информацией, адресуемой собеседнику (в речи Ганина);

5) использование косвенных речевых актов в речевых ситуациях позитивного / семейного этикета, в которых допускается использование прямых речевых актов (Лужин);

6) восприятие фатических речевых актов как прямых и ответ на них в соответствии со своей интерпретацией (Лужин).

Тип языковой личности «положительных персонажей» Набокова можно охарактеризовать как промежуточный между кооперативным – имеющим установку на сотрудничество, на кооперацию, и центрированным, предполагающим установку на игнорирование собеседника [3].

«Отрицательные» персонажи прибегают к косвенным реализациям интенций у Набокова несколько реже, чем «положительные», тем не менее, у них этих единиц коммуникации также обнаружено нами немало. Отличие состоит в том, что «косвенность» в их речевом общении чаще всего не становится маркером вежливости. Косвенные просьбы не смягчаются этикетными формулами и лексико-грамматическими показателями, не дополняются аргументацией и не произносятся с характерной «смягчающей» интонацией, способствующей сохранению доброжелательности.

В результате они вызывают внутреннее негодование и непонимание у собеседника.

Набоков постоянно подчеркивает прямоту тещи Лужина в выражении своих чувств, говорит, что свою *«способность резать правду-матку (за что молодые люди, посетившие ее дом, считали ее большой умницей и очень боялись)»* она весьма высоко ценила. Однако сам писатель называет это бестактностью. Близкие ему персонажи, во-первых, не прибегают к интенции оскорбления и критики, а во-вторых, никогда не допускают прямой манифестации чувств в ситуациях, угрожающих лицу адресата, предпочитая ей косвенную форму.

Ср. *«Редко, наверно, моетесь, – сказала она без обиняков. – Редко?»*, (диада сообщение – оскорбление, вопрос – оскорбление); *«Скажите, – спросила она, я думаю, вы успели очень развратить мою девочку? (диада просьба – оскорбление); Такие, как вы, большие развратники»* (диада сообщение – оскорбление) *«Скажите, ведь вы развратник, развратник?»* (просьба – оскорбление); *«Если вы хоть немножко интересуетесь моим мнением, то должна вам сказать, что считаю этот брак чепухой. Кроме того, вы, вероятно, думаете, что мой муж будет вас содержать (сообщение – оскорбление) Признайтесь: думаете?»* (вопрос – оскорбление). В приведенных примерах наблюдаем отрицательное оценочное суждение об адресате и критику, отрицательную оценку того, что входит в личную зону адресата, которые несколько смягчаются косвенной формой высказывания, однако вежливым, этикетным общением все равно не становится.

«Вы, вероятно, хотели бы жениться уже сегодня, сейчас. Знаю я вас. Потом будет она ходить с брюхом, замучите ее сразу» (критика, отрицательная оценка адресата).

В рамках позитивного родительского этикета: *«Сумасшедшая... я посидела из-за тебя. Ты не выйдешь за этого шахматного обормота!»* (отрицательная оценка адресата, диада сообщение – запрет).

Если критика и неодобрение допускаются, хотя и только в смягченной форме, в рамках приятельского, нецеремонного этикета, который теща Лужина избирает по отношению к будущему зятю, то отрицательные оценочные квалификации адресата явно выводят общение за рамки этикетного.

Косвенные оскорбления тещи Лужина воспринимаются как несколько менее прямые, но все же разрушают коммуникацию и вызывают обиду у оппонентов.

Преувеличенная этикетность и «косвенность» речи «отрицательных» персонажей может камуфлировать невежливость и оскорбление (роман «Приглашение на казнь»). Часты в речи этих персонажей возникающие по различным причинам коммуникативные неудачи (ср. диалог Ганина и Алферова, где первый просит второго съехать; беседы Лужина с будущей свекровью;

гротескная преувеличенно-этикетная речь палачей по отношению к узнику Цинциннату Ц.).

Тип языковой личности матери Лужиной и тюремщиков Цинцинната Ц., месье Пьера и Родрига Ивановича следует рассматривать в соответствии с концепцией К.Ф. Седова как имеющий установку на конфронтацию – конфликтный.

Литература

1. *Набоков, В. В.* Собрание сочинений : в 4 т. – Т. 2 / В. В. Набоков. – М., 1990.
2. *Набоков, В. В.* Машенька. Защита Лужина / В. В. Набоков. – М. : Художественная литература, 1989.
3. *Седов, К. Ф.* Языковая личность в аспекте лингвистической конфликтологии [Электронный ресурс] / К. Ф. Седов / Диалог–2002 : Междунар. конф. – Москва, 2002. – <http://www.dialog-21.ru/materials/archive.asp?id=7379&y=2002&vol=6077>.